

К ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ ЮРОДСТВА

похабъ и похабный

на грани церковнославянского и русского

В древнерусской письменности слово *похабъ* 'безумный' появляется и начинает относиться к юродивому с очень раннего времени. Образованное от церковнославянского глагола (*по*)*хабити* '(по)вредить, (ис)портить' (Фасмер III, 346; IV, 214), оно буквально значит 'повреждённый'. Таким образом, в основе слова *похабъ*, как и некоторых других обозначений юродивого (*оуродъ, оуродивый, боголишь, боголишивый*), лежит идея ущербности, лишённости, порчи. Древнерусские значения производных *похабный* 'безумный', *похабно* 'безумно', *похабство* 'безумие' вроде бы не противоречат семантике этих слов в русском языке – проявления безумия могут быть разнообразны. Однако само исходное слово *похабъ* в современный русский язык не вошло, и в роли попен *agentis* этого гнезда сейчас используется образованное от *похабный* слово *похабник*. Не связывается больше с основой *похаб-* и идея безумия, всё это словообразовательное гнездо в русском языке имеет сейчас семантику непристойности. Бытует мнение (которое проникает и в словари¹), что эта семантика развилась под воздействием поведения юродивых. Однако если их «балование» столь органично отвечало понятию «похабный», то хотелось бы понять, почему в русском языке старое слово *похаб* в качестве обозначения юродивого не удержалось, а *похабник* не только им не стало, но и едва ли используется в «юродском» контексте². Кроме того, любопытно выяснить, когда и в каких текстах установилась ассоциация между *похаб* 'безумный' и *похабный* 'непристойный'. В поисках ответов на эти вопросы и была написана предлагаемая работа. Семантическую эволюцию слов *похаб* и *похабный* мы проследим в двух плоскостях, в два захода – в лексикографии (1.1.–1.6.) и в письменности (2.1.–2.6.).

1. *Похаб* и *похабный* в лексикографии русского языка

1.1. Толковые словари современного русского языка (Ушаков, БАС, МАС, Ожегов/Шведова, БТС) единодушно не знают слова *похаб*. В то же время все они столь же единодушно содержат прилагательное *похабный* и больший или меньший набор связанных с ним слов. Дефи-

¹ Ср., в частности, в «Этимологическом словаре русского языка» Г.А. Крылова: «Похабный – это слово, заимствованное из старославянского, образовано суффиксальным способом от существительного *похабъ* – 'дурень, юродивый' (Крылов 2005).

² По данным Национального корпуса русского языка, не используется вовсе.

ниции этого круга слов варьируют незначительно и, как правило, включают в качестве синонимов *бесстыдный* и *непристойный*. Общим для названных словарей является и то, что на первом месте в дефиниции и иллюстрациях обычно указываются проявления «похабной» семантики в речи (сквернословие, обценная лексика) и лишь во вторую очередь – в поведении. Характерны, например, иллюстрации в МАС:

Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника (В.Г. Белинский, письмо Н.В. Гоголю 1847 г.);

Молодежь сидела в трактирах, пела похабные, некрасивые песни, танцевала, сквернословила и пила (М. Горький, «Мать»).

В первую очередь речь характеризует и синонимический ряд слова *похабный* в словаре синонимов: ‘сальный, скабрёзный, грязный, скромный’ – «о словах, речи, их содержании, смысле; в высшей степени неприлично и грубо-бесстыдно затрагивающий интимную сферу отношений полов» (Евгеньева 1971, 2, 389).

Стилистический статус слов вокруг *похабный* – сниженный: наиболее ригористичен в этом отношении словарь под редакцией Д.Н. Ушакова, где все эти слова (*похабить, похабный, похабность, похабщина, похабство, похабник, похабница, похабничать*) снабжены пометой «просторечное, вульгарное»; в МАС, в Ожегов/Шведова, в словаре синонимов под редакцией Евгеньевой, где есть только *похабный*, оно обозначено как «просторечное».

В словаре Ушакова для прилагательного *похабный*, кроме прямого значения ‘неприличный, грубо бесстыдный’ (судя по иллюстрациям – *похабный анекдот, похабное ругательство* – имеется в виду прежде всего речь), выделяется значение ‘позорный’, которое можно расценивать как переносное. Значение это очевидным образом сформулировано ad hoc на основании цитаты из стенограммы выступления Ленина о Брестском мирном договоре:

Не поддавайтесь провокации, которая исходит из буржуазных газет, противников Советской власти; да, у них нет иного слова, как «похабный мир» и криков «позор!» по поводу этого мира, а на самом деле эта буржуазия встречает с восторгом немецких завоевателей. Они говорят, «вот немцы, наконец, придут и дадут нам порядок», вот, чего они хотят, и травят криками «*похабный мир, позорный мир*» (доклад на заседании ВЦИК 24 февраля 1918 г., ср.: Ленин, ПСС, 35, 379)³.

Выражение *похабный мир* отсылает к позиции левого крыла партии, выступавшего против подписания договора. В развернувшейся дискус-

³ Ср. в тезисах Ленина по вопросу о Брестском мире (январь 1918 г.): «Поэтому тот, кто говорит: “мы не можем подписать позорного, *похабного* и прочее мира, предать Польшу и т. п.”, не замечает, что, заключив мир на условии освобождения Польши, он только еще более усилил бы германский империализм против Англии, против Бельгии, Сербии и других стран» (Ленин, ПСС 35, 251).

сии выражение, пущенное, по-видимому, М. Урицким (Брестский мир 1992, 288), повторялось не раз. Левым возражали прежде всего Ленин и Троцкий. В статье «Несчастный мир» («Правда», № 34 от 24 февраля 1918 г.) Ленин пояснял, что имеется в виду под определением *похабный* – ‘несчастный, тяжёлый, унижительный, позорный, нечистый’:

Троцкий был прав, когда сказал: мир может быть трижды несчастным миром, но не может быть *похабным*, позорным, нечистым миром мир, заканчивающий эту стократ *похабную* войну [читай: позорную, нечистую – М.Б.]. Невероятно, неслыханно тяжело подписывать несчастный, безмерно тяжёлый, бесконечно унижительный мир, когда сильный становится на грудь слабому (Ленин 1974, 382-383)⁴.

Ленин ссылается здесь на слова Троцкого, который противопоставил формулировке левых (*похабный мир*) определение *несчастный мир*, давшее название процитированной статье Ленина:

При таких условиях самое выражение «*похабный мир*» неуместно и недостойно, является кощунством в глазах и пред лицом окровавленной, задыхающейся в муках и бедствиях Европы. Оно является еще более кощунственным при мысли о тех мучениках, которые вот уже более трех с половиной лет гибнут в условиях, совершенно невыносимых для всякого живого организма, там, в траншеях, на фронте. Нет, «*похабного мира*» быть не может; может быть лишь *несчастный мир* (выступление на III съезде Советов в январе 1918 года, см. Троцкий 1926).

Похабный ‘позорный, постыдный’ и словосочетание *похабный мир* перешли из словаря Ушакова и в БАС¹ (10, 1677), и в выходящий ныне БАС² (19, 311), с той разницей, что в последнем иллюстрация заменена: выбрана цитата из официально просталинской повести А.Н. Толстого «Хлеб» (1937), где поясняется, что «это говорил один из вождей ‘левых коммунистов’».

Остановиться подробнее на этой иллюстрации из словаря Ушакова стоило потому, что выражением *похабный мир* не исчерпывается ругательное употребление слова *похабный* в советской официальной публицистике и в языке власти. Трагическую роль играло это слово в следственном деле О. Мандельштама. В письме Ежову от 16 марта 1938 года – по сути, доносе, послужившем НКВД, по выражению П. Нерлера, шпартгалкой для рокового обвинительного заключения – председатель Союза писателей Ставский дважды называет стихи Мандельштама *похабными* и клеветническими. Из контекста явствует, что *похабный* употреблено в смысле ‘оскорбительный, антисоветский’, однако оскорбительная сила самого эпитета *похабный* основана на его

⁴ Ср. в тезисах, процитированных в предыдущем примечании: «вопрос о несчастном, архитяжком мире».

значении 'непристойный, бесстыдный, сквернословный'⁵. Вот фрагмент этого письма:

Как известно – за *похабные* клеветнические стихи и антисоветскую агитацию Осип Мандельштам был года три-четыре тому назад выслан в Воронеж. Срок его высылки окончился. Сейчас он вместе с женой живет под Москвой (за пределами «зоны»). Но на деле – он часто бывает в Москве у своих друзей, главным образом – литераторов. Его поддерживают, собирают для него деньги, делают из него «страдальца» – гениального поэта, никем не признанного. В защиту его открыто выступали Валентин Катаев, И. Прут и другие литераторы, выступали остро. С целью разрядить обстановку – О. Мандельштаму была оказана материальная поддержка через Литфонд. Но это не решает всего вопроса о Мандельштаме. Вопрос не только и не столько в нем, авторе *похабных, клеветнических* стихов о руководстве партии и советского народа. Вопрос об отношении к Мандельштаму группы видных советских писателей. И я обращаюсь к Вам, Николай Иванович, с просьбой помочь (Нерлер 2010, 97).

1.2. В словарях XVIII века положение дел сходное – слова *похабъ* нет и здесь. Не включено оно ни в САР (1789–1794), в целом ориентированный на светский русский язык, учитывающий, однако, и «церковные книги», ни в «Трехязычный лексикон» Ф. Поликарпова (1704), ориентированный в первую очередь на церковнославянскую письменность, но учитывающий и общеупотребительную лексику⁶.

1.2.1. ЛТ 1704

Отсутствие слова *похабъ* у Поликарпова в особенности показательно, так как не оставляет почвы для предположения о том, что слово это было намеренно вытравлено из языка в ходе «дисциплинирования» юродства⁷. В то же время в этом словаре приведены другие термины юродства, на фоне которых лакуна ощутима. Так как цель словаря в первую очередь учебная, выбор славянского материала в нём отражает, можно думать, церковнославянский узус эпохи и употреби-

⁵ В эту эпоху вполне актуальным оставалось словоупотребление пушкинского времени, ср. у Пушкина: «Граф Нулин наделал мне больших хлопот. Нашли его (с позволения сказать) *похабным*»; «Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные ходят под именем Баркова» (Словарь языка Пушкина, 642). Специально о выражении *библейская похабность* у Пушкина см. Молдован 2001.

⁶ Ср.: «Лексикон был наиболее полным собранием книжно-славянской лексики (известной по многим памятникам письменности), а также и лексики общеупотребительной» (Биржакова 2010, 39).

⁷ Государственное «дисциплинирование» в петровскую и послепетровскую эпоху в самом деле отражалось на терминологии юродства, однако выражалось оно не в стилистическом снижении термина, а скорее в замещении его эвфемизмами. *Юродивый* и *святой* продолжали оставаться синонимами, хотя в указах XVIII века юродивые именуется *волосеничники, нагие, верезники, затворники, ханжи, с колтунами* (Лавров 2000, 263-264).

тельность того или иного слова. Отсутствие здесь слова *похабъ* в значении 'юродивый' можно поэтому интерпретировать как свидетельство о его неузуальности. Основными названиями юродивого (и одновременно безумца, глупца, простеца, дурака) у Поликарпова выступают слова *оуродъ, юродъ, юродивый* (ЛТ, 715, 761). Любопытно отметить и смысловые различия между ними, если ориентироваться на подобранные автором греческие соответствия⁸, в особенности на слово *σαλός*, которое на славянской (и русской) почве дало сравнительно малоупотребительный и очевидно книжный грецизм *сал(л)ось*, имевший как *terminus technicus* исключительно значение 'юродивый' (ср. в Новгородской 4-й летописи о Михаиле Клопском *Михаила нарицаемаго Саллоса*, в 1-й Псковской летописи о псковском юродивом XVI века *Никола Салос*, см. ниже 2.5, ср. Иванов 2005: 308, 251). Так вот у Поликарпова греч. *σαλός* фигурирует в качестве перевода для трёх названных терминов – *оуродъ, юродъ, юродивый*. Только при термине *оуродъ* слово *σαλός* указано как единственный греческий эквивалент, в то время как в статьях о *юродивый* и *юродъ* слово *σαλός* возглавляет целый ряд общеязыковых (нетерминологических) обозначений безумия и глупости (*μωρός, ἄφρων, ἄνοος*). Наконец, только этот ряд – без *σαλός* – приводится для перевода слов *буй* и *безумень*. Таким образом, у Поликарпова собственно обозначением юродивого считается, очевидно, слово *оуродъ*.

Отдельно от этой группы в словаре толкуется прилагательное *похабный* (ЛТ, 484). Отсылка к синониму *наглый* («зри *наглый*») в старом значении 'внезапный, неожиданный' приводит к греческим и латинским эквивалентам той же семантики спонтанности, неподготовленности, непредсказуемости: *ἀφνίδιος, repentinus, repens, subitus*. Таким образом, ассоциации *похабный* с *похабъ в этом словаре не просматривается.

1.2.2. САР 1789–1794

В САР *похабство* определяется как «дерзость, неблагопристойность в словах и поступках», а *похабный* – как «бесстыдный, или не наблюдающий благопристойности в словах, в поступках»; *похабникъ/похабница* – это «тот, который говорит неблагопристойные слова, неблагопристойно поступает»; соответственно, *похабничаю, похабствую* «похабно поступаю, говорю» (САР 1789–1794, IV, 1017–1018). Здесь в одном гнезде оказываются производные как непосредственно от *похабъ* (> *похабный* > *похабство* > *похабствовать*), так и от *похабный* (> *похабно* > *похабник* > *похабничать*). Общим элементом двух этих деривационных ветвей является прилагательное *похабный*. В отсутствие же слова *похаб* всё это гнездо приобретает сравнительно узкую, однородную семантику непристойности.

⁸ Латинские эквиваленты в данном случае непоказательны в силу нерелевантности переводов с латинского для древнерусской «юродивой» литературы.

1.3. Появление слова *похабъ* в словарях приходится на середину XIX века и связано с той лексикографической традицией, в которой ставилась цель создания тезауруса русского языка на основе синтеза различных лексических пластов (церковнославянского и русского, письменного и разговорного, городского и диалектного).

1.3.1. СЦСРЯ 1847

Впервые, насколько я вижу, *похабъ* со значением 'юродивый, дурень' фиксируется в Академическом словаре 1847 года (СЦСРЯ 1847, III: 409-410). Помета «церковное» и цитата из Пролога в качестве единственной иллюстрации с очевидностью свидетельствуют о том, что это слово воспринималось составителями как церковнославянизм. Примечательно, что для иллюстрации выбран фрагмент из (проложного) жития Андрея Юродивого (память 16 октября) и что *похабъ* соседствует в этом контексте с *ругатися чему*, которое в эту эпоху уже могло паронимически взаимодействовать с *ругаться* в современном значении: *Не хотя бо тяжати дела господина своего, похаба себе сотворив, и ругается мирови всему.*

Рядом со словом *похабъ* в СЦСРЯ помещена группа слов вокруг *похабный* 'бесстыдный, сквернословный' (СЦСРЯ 1847, III, 409-410): *похабно* 'похабным образом, с сквернословием, бесстыдно', *похабникъ* (-ца) 'говорящий похабные слова или поступающий бесстыдно; сквернослов, бесстыдник', *похабничать*, *похабствовать* 'говорить похабные слова или поступать бесстыдно, сквернословить, бесстыдничать', *похабство* 'бесстыдство в словах или поступках, сквернословие'. Состав этой группы и её семантическая интерпретация в целом те же, что и в предыдущем словаре Академии – САР (см. выше), однако, в словаре 1847 года, по крайней мере, одно слово этого гнезда, а именно *похабно* снабжено пометой «народное». Таким образом, согласно пометам в СЦСРЯ, слово *похабъ*, с одной стороны, и слова вокруг *похабный*, с другой стороны, принадлежат разным функционально-стилистическим сферам языка: *похабъ* – церковной, письменной, а *похабный* и/или производные – скорее устному просторечию. В то же время выбор иллюстрации для слова *похаб* скорее говорит в пользу того, что оба её ключевых слова – *похаб* и *ругается* – в тогдашнем языковом сознании могли ассоциироваться с непристойностью и сквернословием. Не эта ли ассоциация побудила составителей включить слово *похаб* в академический словарь?

1.3.2. Даль (1-е изд.: 1867)

Вслед за СЦСРЯ⁹ слово *похабъ* в значении 'юродивый, дурень' с пометой «церковное» включает в свой словарь и В. Даль. В той же ста-

⁹ Наряду с академическим Опытом областного великорусского словаря 1852 года Академический словарь 1847 года был главным лексикографическим источником словаря Даля.

ть (следуя принципу гнездового расположения слов) он помещает прилагательное *похабный* 'наглый и бесстыжий в речах, срамо(скверно)словный, ругательский, поносный' и глаголы *похабить*, *похабничать*, *похабствовать*, которые поданы как ряд синонимов со значением 'сквернословить, срамословить, мерзостно ругаться'. Кроме того, отдельно для глагола *похабить* указано его переходное употребление со значением 'портить, гадить', 'портить, баловать ребёнка' (Даль, III: 365). Все эти слова объединены у Даля как слова общего корня, или, по его выражению, «одногнѣздки», однако, как и в СЦСРЯ, *похабъ* противостоит словам вокруг *похабный* и в семантическом, и в стилистическом отношениях. Замечу, что из обозначений юродивого, которые упоминаются в словаре Даля (*благой, блаженный, божевольный, божий человек, дурак, дурень, урод, уродивый, юрод, юродивый*), характеристикой «церковное» наделяется только слово *похабъ*.

Включение слова *похабъ* в середине XIX в. по крайней мере в два словаря – СЦСРЯ и в словарь Даля – объясняется, думается, именно тем, что в тогдашнем языковом сознании оно воспринималось в смысловой связи со словами вокруг *похабный*.

1.4. СРНГ и другие диалектные словари

Характеристика слова *похабъ* как книжного церковнославянизма (в СЦСРЯ и у Даля) согласуется с отсутствием его в словарях русской диалектной речи. Если это слово в говорах когда-нибудь и было, то оно не сохранилось. Вероятно, оно изначально было книжным образованием. В то же время круг слов с основой *похаб-* в диалектах шире, чем в письменном языке того же времени (XIX–XX вв.), и разнообразнее в семантическом отношении. Именно этот круг слов составлял, можно думать, непосредственный фон для восприятия цсл. *похабъ*. Кроме того, производные от *похабъ* слова, в частности, *похабный* и *похабство* были и в диалектной речи, но имели в ней другие значения. Важно поэтому представить себе общую картину этого диалектного фона. Не входя в детали, слова от основы *похаб-* (по материалам словарей Опыт 1852, 174; Даль III, 365; НОС 8, 159; Верш. 5, 331¹⁰; СРНГ, 30, 338-339¹¹) можно распределить по четырём основным семантическим группам:

'портить'	'баловать кого'	'проказничать'	'ругать(ся)'
<i>похабить</i> что 'портить' (Даль)	<i>похабить</i> / <i>испохабить</i> 'баловать (особенно о ребёнке)' (Опыт 1852; СРНГ);		<i>похабить(ся)</i> 'сквернословить, срамословить, мерзостно ругаться' (Даль; СРНГ)

¹⁰ Верш. – словарь старожильческого говора сибирского села Вершинино, включающий лексику из записей 40-х–90-х годов XX века.

¹¹ Псковский областной словарь не завершён, и соответствующий том ещё не издан.

	‘портить, баловать ребёнка’ (Даль)		
	<i>похабена, похабёнка</i> ‘избалованный, изнеженный человек’ похабёна ‘тот, кто любит вкусно поест, лакомка’ (СРНГ)		<i>похабен / -ь, м.</i> ‘похабное слово’ (СРНГ)
	<i>похабник, -ца</i> ‘тот, кто балует кого-л., потворствует кому-л.’; ‘избалованный человек, неженка’ (СРНГ)		<i>похабник</i> ‘тот, кто сквернословит, поступает бесстыдно’ (Верш.)
	<i>похабничать</i> ‘баловать кого-л., потворствовать кому-д.’ (СРНГ)	<i>похабничать</i> ‘озорничать’ (СРНГ)	<i>похабничать</i> ‘сквернословить, срамословить, мерзостно ругаться’ (Даль)
			<i>похабствовать</i> ‘сквернословить, срамословить, мерзостно ругаться’ (Даль; СРНГ)
	<i>похабничанье</i> ‘балование кого-л., потворство кому-л.’ (СРНГ)		
<i>похаба</i> ‘неприятность’ (СРНГ)			<i>похабь, ж.</i> ‘что-то срамное, постыдное’ (СРНГ)
<i>похабный</i> ‘плохой, худой (об одежде)’ (СРНГ)	<i>похабный</i> ‘избалованный, капризный, непослушный’ (СРНГ)	<i>похабный</i> ‘удалой, бойкий’, ‘буйный, норовистый (о животном)’ (СРНГ), ‘горячий (о лошадях)’ (Фасмер)	<i>похабный</i> ‘наглый и бесстыжий в речах, срамословный, ругательский, поносный’ (Даль) ‘непристойный (о частушках)’ (Верш.)
<i>похабно</i> ‘дурно, гадко (о состоянии)’ (СРНГ)			<i>похабно</i> ‘непристойно (о словах)’ (НОС)
			<i>похабность</i> ‘подстрекательные речи, насмешка’ (СРНГ)
			<i>похабина</i> ‘непристойность (о словах)’ (НОС)
			<i>похабливый</i> ‘склонный к сквернословии’ (Верш.)

Значение ‘портить’, которое Фасмер полагал базовым для всего гнезда *-хаб-* (см. *хабить* I в Фасмер, IV, 214), получило развитие в южно- и в западнославянских языках, в которых находятся и близкие соответствия слову *похабъ* ‘безумец’ как в словообразовательном¹², так и в семантическом отношении – имею в виду болг. *поха́ба, по́хаб* ‘пагуба, потеря, утрата, урон, убыток, порча, вред, наклад, погибель, изъян’, *похабе́ный* ‘испорченный (о человеке, ребёнке)’ (Геров, 4, 242), *похабен* ‘повреждён(ный)’, *похаба* ‘заболевание зерновых’ (БЕР, V, 563) и в особенности словац. *poľaby* ‘сумасшедший’ (БСРС III, 225; HSSJ III, 645)¹³. В русских диалектах развились значения ‘баловать (в переходном и непереходном смысле)’¹⁴ и особенно ‘ругать(ся)’. Некоторые слова этого гнезда в русском оказываются многозначными. Прилагательное *похабный* в этом отношении занимает исключительное положение – оно обладает полным набором семантических возможностей, которые в благоприятном контексте могли актуализироваться. На фоне именно этого ряда значений воспринималось, должно быть, цсл. *похабный* ‘безумный’ < *похабъ* ‘безумец’. Важно, кроме того, отметить, что всё это гнездо слов имеет очевидную региональную окраску – почти весь материал в словарях взят из севернорусских говоров Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Псковской, Тверской областей.

1.5. Лингвистические сочинения иностранцев

Может быть, дело здесь в том, что диалектные словари отражают очень позднюю с точки зрения истории языка эпоху, и ко времени их появления (в середине XIX века) слово *похабъ* уже полностью вышло из употребления? Против этого говорит тот факт, что слова *похабъ* не знают и словари и разговорники бытового древнерусского языка, составленные иностранцами в XVI–XVII вв. Его нет в источниках, отражающих севернорусские говоры на территории Новгородской ко-

¹² По наблюдениям А.А. Пичхадзе (Пичхадзе 2014), такая словообразовательная модель (бессуфиксальное отглагольное образование), известная всем славянским языкам, особенно продуктивна в языке древнейшей славянской гимнографии, связываемой с книжными центрами Охридской архиепископии, ср. такие не известные старославянским и церковнославянским текстам образования, как *възбранъ* ‘препятствие’ (цсл. *възбранение*), *въздвигъ* ‘воздвижение’, *измень* ‘перемена, изменение’ (цсл. *измънение*), *оувазь* ‘повязка’, *прозябъ* ‘отрасль’ и под.

¹³ В словацком это ныне устаревшее разговорное слово редко и связано с фольклорной языковой традицией. Вероятно, именно оттуда оно попадает в сборник детских стихов в фольклорном духе „Кутка z tatier“ (1886) словацкого романтика С. Славоша. В приложенном к сборнику словарике (но не в текстах сборника) фигурирует *poľaby*, которое толкуется с помощью чеш. *pošetilý* ‘безумный, сумасбродный’, *výstředně* ‘дерзкий, эксцентрический’, *rozpuštělý* ‘озорной, проказливый’ (Slavoš 1886, Slovníček, V).

¹⁴ В переходном значении ‘баловать’ можно понимать как определённое развитие семантики порчи.

лонизации – ни у Т. Фонне¹⁵ (Псков, 1607), ни у Р. Джемса (Холмогоры, нач. XVII в.), ни у Х. Невенбурга (Новгород, 1629) или Й. фон Хемера (Архангельск, 1696); не находим мы этого слова и у авторов, которые наблюдали скорее столичную московскую речь – ни в „Dic-tionarie of the Vulgar Russe Tongue“ М. Ридли (к. XVI в.), ни в славяно-латинском словаре Ю.Г. Спарвенфельда (1684–1705) или у Х. Лудольфа (1690-е гг.).

Разумеется, все эти источники неполны и дают хотя и разнообразную по материалу, но всё же фрагментарную картину древнерусской речи. Сама фигура юродивого в них отсутствует. Однако из разговорника такого большого объёма, как у Тённиса Фонне, можно хотя бы узнать, как в Пскове начала XVII в. называли вообще глупца, дурака. Ряд синонимов, который приведён у Фонне, таков: *durn* : *urode blagoi* : *upir* (Hammerich u.a. 1961, I, 225), то есть *дурн* или *дурень*, *уроде* (диалектная форма И. ед. м.) *благой*, *упирь*¹⁶. Все они известны и Далю. Нетривиальное *упирь* ушло, *дурень* есть в языке до сих пор, а *уроде благой* соответствует сразу трём известным обозначениям юродивого: цсл. и рус. *уродъ*, рус. *благой* (ср. цсл. *блаженный*)¹⁷ и, наконец, распространившемуся в «юродивых» житиях XVII в. цсл. *благоуродивый* (ср. ниже о житиях Василия Нагого). Но *похаба* нет и у Фонне. По-видимому, уже к этому времени *похабъ* было книжным, редким словом.

1.6. Итак, до середины XIX века слово *похаб* остаётся за пределами словарей русского письменного и диалектного языка. На правах церковнославянизма оно впервые входит в академический СЦСРЯ и оттуда попадает в словарь Даля. Для последующей традиции толковых словарей это слово оказывается слишком маркированным или редким, и оно вновь исчезает из лексикографии, чтобы уже больше не появиться.

По соседству со словом *похаб* в СЦСРЯ оказывается гнездо слов вокруг *похабный* с семантикой сквернословия и непристойности. Характер иллюстрации со словом *похаб* из жития юродивого позволяет думать, что включение этого слова основывалось на смысловой ассо-

¹⁵ В данной работе принята форма имени Фонне вслед за убедительными историческими и палеографическими пояснениями в Hendriks 2014, 25-29.

¹⁶ В издании разговорника Т. Фонне прочтение, транслитерация и, соответственно, английский перевод этого фрагмента страдают ошибками: *durn* прочтено там как *duru* (дурю), *vrode* (уроде – диалектная форма И. ед. м. р.) как *вродъ*, так что вся фраза выглядит в издании следующим образом:

Otzum ty menæ draszis ia tebe ne duru: vrode blagoi: vpir.

Worumb ouestu my ich sy dyn geck nichtt datt du my ouest.

Очём ты меня дражишь? Я тебѣ не дурю / вродѣ благой / упирь.

Why do you tease me? I am not your fool [/ like madman / freak] (that you should tease me) (Fenne, II: 177; Факсимиле оригинала Fenne, I: 225; см. Зализняк 1998, 270).

¹⁷ Отмечу сочетание *благое слово* ‘матерная брань’ (СГРС, I: 117), которое, возможно, могло ассоциироваться с поведением *оурода благого*.

циации его с *похабный*. По крайней мере к рубежу XIX–XX веков такая ассоциация существовала. Достаточно процитировать наиболее заметное исследование юродства, написанное в этот период – книгу И. Ковалевского «Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви» (1902). Приведу суммирующую характеристику юродства, замечательную сочетанием апологетического тона и рационально-моралистической фразеологии эпохи:

Эти славные подвижники ... добровольно отказывались от всех удобств и благ жизни земной, от всех выгод жизни общественной; от родства самого близкого и кровного, но даже отрекались, при полном внутреннем самосознании, – от самого главного отличия человека в ряду земных существ – от обычного употребления разума, добровольно принимая на себя вид безумного, а иногда и нравственно падшего человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, позволяющего себе иногда соблазнительные действия (Ковалевский 1902, 2)¹⁸.

В системе социальных норм, регулируемой понятиями «приличия», «нравственного падения», «чувства стыда» некоторые действия юродивого *похаба* в самом деле могут расцениваться как нечто соблазнительное. Появление такой оценки относится, можно думать, к более раннему времени, когда в послепетровской России формируется новая – секуляризованная, европеизированная – система социально-нравственных понятий. На язык этих понятий «переводится» юродивый и в приведённом пассаже из книги Ковалевского.

Когда именно возникает ассоциация между цсл. *похабъ* и *похабный* в его русском «непристойном» значении? Ведь словарь, как правило, фиксирует слово в его актуальных языковых связях. Можно думать поэтому, что *похабъ* не попал бы в СЦСРЯ, если бы уже ранее в письменных текстах не произошла встреча этого обозначения юродивого со словами круга *похабный* «непристойный».

2. *Похаб* и *похабный* в древнерусской письменности

Появление слова *похабъ* в древнерусской письменности связано с двумя переводами с греческого – «Историей иудейской войны» Иосифа Флавия (XII в.) и «Житием Андрея Цареградского» (не позднее середины XII в.). Прослеживая контексты слова *похабъ* в древнерусской письменности, можно заметить три особенности: 1) как и греческие обозначения юродивого, *похабъ* первоначально означало вообще безумца; 2) кроме самого раннего этапа, это слово связано исключительно с «юродскими» текстами; 3) слово *похабъ* сохраняется в определённой традиции «юродской» агиографии и благодаря ей.

¹⁸ Ср. современное расхожее представление о юродстве: «Настоящего юродивого характеризуют два признака: во-первых, он умерщвляет плоть, во-вторых, он предельно свободен во всех своих волеизъявлениях» (Рубина, Северский 2003, 274). К последним относятся, надо думать, и «соблазнительные действия».

Значение слова *похабъ* то же, что и у *похабленыи умом* ‘безумный’ в древнеболгарском поучении Козьмы Пресвитера (XI в. по русскому списку XV в.)¹⁹:

Вѣсть бо то и *похабленыи умомъ*, яко богомъ възаконено есть и предано крещение (СРЯ XI–XVII вв., 18, 45);

‘Знает и умалишённый’²⁰, что крещение установлено и передано (нам) богом’.

В конструкции с Т. п. (*похабъ чем*) это слово в древнерусских текстах редкость – мне известны только два употребления, оба в Житии Андрея Юродивого (подробнее об этих контекстах см. 2.2.):

(1) *родомъ похабъ* ‘урод’ – дара содомьскаго *родомъ похаби* (σαλοῖ) ясти не оумѣють» (Молдован 2000, 233, строка 1516);

(2) *похабъ разумомъ* ‘глупый’ – ѳедин же Ѡ мимоходѣ. видивѣ стаго. яко зрѣть на лороподы. и оудари не-го по шиѣ. рекъ. «почто. похабе (σαλέ). ту стоя зриши». [Андрей отвечает прохожему:] «ѳеи. *похабе разумомъ* (ἔζηχε τῷ νοῦ). на подобныя болваномъ симъ стоя зрю» (там же, 288, строки 2707, 2709).

Отмечу единичный контекст из Златоуструя (по списку XVI века), в котором *похабъ* противопоставлено слову *человѣкъ* (в смысле ‘существо, наделённое разумом’) и имеет значение скорее ‘дикий’ (= ‘лишённый разума’):

Кто такъ *похабъ* и не члкъ (ῥμός) (СРЯ XI–XVII вв., 18: 45).

Иногда, в частности, в переводе «Иудейской войны» Иосифа Флавия, *похабъ* употребляется в сравнительном обороте *акы похабъ* ‘как безумец’. Основная же конструкция, в которой, как увидим, слово *похабъ* используется в древнерусских текстах – вплоть до превращения её в житийный топос и языковое клише – *похабъ творитися* ‘выдавать себя за безумца’.

2.1. История Иудейской войны

В церковнославянском переводе «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия слово *похабъ* встречается дважды, оба раза в основном значении ‘повреждённый рассудком, безумец’:

(1) и послоушавъ ферора и ... плача припаде прѣд ногама иродовыма. проса прощеніа... и исповѣдаса. яко похабъ есть (παραιολήν δέ φρενῶν ... ὀδυρόμενος) и цѣлоумень. прелюбовъ жены 371617-26 (Пичхадзе и др. 2004, I, 116; греч.: II, 458);

‘И приняв совет [Архелая], Ферора ... с плачем припал к ногам Ирода, прося прощения, ... и сетуя о своём помешательстве ума и одержимости, причиной которой он называл страсть к той женщине’²¹;

¹⁹ В цитатах из древнерусских текстов принято упрощение орфографии: «а йотированное» заменяется на я, «ук» – на у, і / ѣ – на и.

²⁰ Ср. совр. рус. *каждый дурак знает*.

(2) и оумъ своі погуби. и хода акы похабъ въпіаше (ἔκφρων ἐγίνετο, καὶ τὸ μὲν πρῶτον ἐβόα περιών) 373в7 (Там же, I, 122; греч.: II, 462);

прямого соответствия слову *похабъ* в греческом здесь нет, нет и сравнительного 'как' (ср. в переводе *акы*), но из контекста с очевидностью следует, что имеется в виду тот, кто *оумъ свои погуби*:

И потерял разум и, как безумный, ходил, вопия: ...'

В обоих случаях *похабъ* употреблено не в прямом смысле и указывает скорее на определённые черты поведения, присущие безумцу (*яко похабъ, акы похабъ* 'как безумец').

2.2. Житие Андрея Юродивого (далее: ЖАЮ)

Образцами для древнерусских житий юродивых служили жития Симеона Эмесского и Андрея Цареградского. С точки зрения истории слова *похабъ* первое (переведённое в X в. у южных славян и рано, не позднее конца XI века, попавшее на Русь) не представляет для нас интереса, так как оно относится к другой традиции «юродской» терминологии и ни в одной из редакций не содержит слова *похабъ* Райнхарт 2009). Что же касается жития Андрея Юродивого (имею в виду старший его перевод), то здесь – и только здесь – *похабъ* выступает в качестве основного обозначения главного героя, которое в позднейших редакциях заменялось на ставшие со временем стандартными *уродъ/уродивый* // *юродъ/юродивый*. Значимость Андрея Цареградского для генеалогии древнерусских юродивых обеспечило этому житию ключевую роль в сохранении и поддержании термина *похабъ*. Об употреблении этого слова в ЖАЮ стоит поэтому сказать подробнее.

В этом очень большом по объёму житии слово *похабъ* используется не просто много раз (а именно 36) – на ЖАЮ приходится едва ли не большая часть всех вообще его употреблений в древнерусской письменности. В коммуникативном отношении употребления эти многообразны: словом *похабъ* пользуются разные герои жития в раз-

²¹ Иначе – в издании древнерусского перевода и словоуказателе к нему (Пичхадзе и др. 2004, II, 266), где (очевидно, вслед за чтениями некоторых древнерусских списков) связываются в некое смысловое единство *похабъ* и *цълооумень* (якобы на месте первоначального *нецълооумень). Синтаксические и смысловые связи в древнерусском переводе изменены по сравнению с гипотактически устроенной греческой фразой (παράκοπὴν δὲ φρενῶν καὶ μανίαν ὀδυρόμενος, ἥς αἴτιον τὸν ἔρωτα τῆς γυναικὸς ἔλεγε). В некоторых позднейших списках (см. аппарат в указанном издании, а также в статье *похабъ* в СРЯ XI–XVII вв., 18, 45) вне сверки с греческим текстом слово *цълооумень* действительно могло реинтерпретироваться как *нецълооумень* и связываться с *похабъ*, но на самом деле оно является точным переводом греч. *Μανίαν (ὀδυρόμενος)*. Синтаксически и по смыслу, таким образом, *цълооумень* связано не столько с *похабъ*, сколько в первую очередь с последующей частью фразы, соответствующей греческому придаточному, и управляет В. п. *прелюбовь* от *прелюбы* 'любовная страсть, преступная страсть' (в издании Пичхадзе и др. 2004, I, 116 понято – во-видимому, также вслед за соответствующим вариантом в других списках – в два слова, как сочетание *любы* с предлогом *пре*).

ных речевых ситуациях, что неизбежно окрашивает его значение. В особенности ценно то, что здесь есть ряд автохарактеристик Андрея (пусть речь и идёт не о реальном, а о литературном «я»). В литературе средневековья, да и Нового времени это большая редкость, тексты от лица юродивого единичны, а самый ранний из них относится к XVII веку (письма юродивого «посадского человека» Стефана Трофимовича Нечаева, см. Лихачев, Панченко, Понырко 1984, 205-213). Для понимания семантики слова *похабъ*, в частности, степени его терминологичности в ЖАЮ, коммуникативная рамка очень важна, поэтому контексты со словом *похабъ* в этом житии имеет смысл привести, сгруппировав их по двум критериям: 1. тип ситуации и 2. кто говорит – сам ли юродивый о себе или другие о нём, ругая или хваля его (ссылки даются на издание Молдован 2000). Однако прежде чем перейти к основному материалу, особо нужно выделить тот единственный в житии контекст, в котором слово *похабъ* не имеет отношения к юродивому Андрею и употреблено нейтрально в значении ‘глупец’.

А. [Епифаний тщеславному ученику]

(1) «тако ли. *похабе* (ἐξήχηε). стоя посредь сбора бия. хотѣлъ юси тако створити» (302, строка 3005);

‘Так ли, глупец, так ли, стоя посреди храма божия, хотел ты поступить?’

Все остальные контексты так или иначе связаны с Андреем.

Б. Автор об Андрее

Автор характеризует юродивого через понятие «безумец», используя выражения *яко похаб*, *по образу похаба* (в тексте с Д. *похабу*), *похабом творитися* ‘делать вид, что безумец’²²:

(2) чресъ днь же всь праведникъ твораса несмыслень. словеса глѣше. *якоже похабъ* (ἐξήχος) (168, строка 171);

‘Весь день праведник вёл себя как сумасшедший, и речь его была как у безумца’;

(3) ристати же Ѡтолѣ нача и играти по оулицамъ. *по образу* дрѣвле бывшю. *похабу* смеона. оного дивнаго (τρέρων ... ἢν παίζων τὸν σαλὸν κατὰ τὸν πάλαι Συμεὼν ἐθεῖνον τὸν θαυμαστὸν) (177, строка 354);

‘И с того времени он начал носиться по улицам города, изображая безумца, по давнему примеру дивного Симеона’;

(4) [о слуге Епифания, решившем стать юродивым:] *яко хлапъ симъ образомъ са юсть прѣмѣнилъ и начал са юсть похабомъ творити* (греч. нет) (238, строка 1636);

‘Так как слуга изменил таким образом своё поведение и стал вести себя как безумец’.

В. Дьявол и бесы об Андрее

Силы зла также пользуются выражением (*съ*)*творитися похабомъ*, но с негативной коннотацией:

²² В древнерусском языке, в частности, в берестяных грамотах, значение ‘делать вид, что’, ‘играть кого’ для *творитися* (ср. совр. рус. *притворяться*), как и значения ‘считать чем’, ‘утверждать что’ для *творити*, являются основными (ДНД-2, 224, 260).

(5) [демон блуда:] да ты добра дѣла не створилса ꙗси похабомъ (ἐαυτόν σαλόν οὐκ ἐποίησας). но любо ли ѿлѣсти хотя симъ образомъ плотны работы» (184, строка 501);

‘Не ради добра ты стал изображать из себя идиота, а чтобы таким способом избежать физического труда’.

Г. Люди об Андрее и – Андрею

Горожане – с точки зрения автора и Андрея, грешные и бессмысленные – ругательно именуют его (прямо в лицо или говоря о нём в 3-ем лице) *похаб* ‘дурак, идиот’:

(6) и бѣ даѣтъ ли о похабѣ (περὶ σαλοῦ). то бо самъ явѣ даль ꙗсть ꙗму демона (179; строка 409);

‘Что богу до идиота? Сам бог дал ему демона’;

(7) [знакомые Елифанию об Андрее:] глѣху ему. свараше его. «почто не милуеши своя оуности. да не съ дѣмономъ симъ и похаб’мъ (σαλῶ) хода и сѣда» (221, строка 1274);

‘С укором говорили ему: Что же ты не жалеешь своей юности – проводишь время с этим бесом и дураком?’;

(8) [блудницы Андрею:] другыя глѣху. «блуди с нами похабе (σαλέ). и насыти дхвѣную си похоть» (183, строка 474);

‘Эй, дурачок, иди поблуди с нами, утоли желание души твоей!’;

(9) [посетитель таверны Андрею:] «что на ма зриши похабе (σαλέ) нѣ лѣзи вонъ» (186, строка 541);

‘Что ты смотришь на меня, дурак? Поди вон!’;

(10) [один из трёх юношей на хлебном рынке об Андрее:] «чюю яко похабъ (σαλόν) онъ рабъ бий естъ» (187, строка 575);

‘Чувствую я, что дурак этот – божий человек’;

(11) [прохожие Андрею:] «тако ти естъ лѣпо. похабе (σαλέ). да пѣши лужю смердащю» (189, строка 615);

‘Так тебе и надо, идиот, пей из вонючей лужи!’;

(12) [не видя ангела, с которым разговаривал Андрей:] «что то ꙗсть. похабе (μωρε). надшене. ꙗже стоя бесѣды дѣяше [по др. сп.: -ши] къ стѣнѣ» (266, строка 2225);

‘Что это ты, псих ненормальный, со стенкой разговариваешь?’;

(13) «что ꙗсть. яко бладетъ похабъ онъ (ὁ πάρετος)» (289, строка 2723);

‘Что там болтает этот дурак?’;

(14) «что зра. похабе (σαλέ). зовеши плавы» (289, строка 2727);

‘Что ты, дурак, зря кричишь: *отруби, отруби*?’;

Отвечая на насмешку, Андрей, в свою очередь, называет людей глупцами:

(15) «добръ подѣкладъ лежить на твоѣмъ ослѣ похабе (ἔζηχε)». он же глѣше. «право похабе (σαλο!). в добрѣ рюи хожю. патрика бо ма ꙗсть створилъ влѣдка» (185, строки 519, 520);

‘Хорошая, дурак, попона у твоего осла! – Он же отвечал: – истинно так, глупцы, в богатой ризе хожу, ведь Царь сделал меня патриkiem!²³;

²³ В греческом тексте жития здесь игра слов: блудницы сдёрнули с Андрея последнюю одежду, но, чтобы не выпускать его голым, проделали дырку в подстилке и, надев её ему через голову, в таком виде вытолкали на улицу. Люди, потешаясь над ним, называли его одеяние *σάγισμα* – попоной для осла (дурака), Андрей же

(16) єдин же $\bar{\omega}$ мимоходѣ. видивѣ $\bar{\sigma}$ таго. яко зрѣть на лороподы. и оудари єго по шиѣ. рекѣ. «почто. похабе ($\sigma\alpha\lambda\acute{\epsilon}$). ту стоя зриши». [Андрей отвечает прохожему:] «єи. похабе разумомѣ ($\xi\zeta\eta\chi\epsilon\ \tau\bar{\omega}\ \nu\omicron\iota$). на подобныя болваномѣ симѣ стоя зрю. и тѣ бо самѣ видимѣ лороподѣ єси и змиѣ. и ищадиє єхидново» (288, строка 2707, 2709);

‘Что ты, идиот, тут стоишь и смотришь? – Вот, безумный ты человек, стою гляжу на (вас,) подобных этим чудищам. Да ты и сам, как видно, чудище и змей и исчадие Ехидны!’²⁴.

Д. Андрей о себе

Сам юродивый говорит о себе как о лишённом разума дурачке, разными способами подчёркивая эту самоидентификацию: похабѣ и боголишь (гендиадис), по правдѣ похабѣ, (один из тех, кто) родомѣ похаби ‘по природе безумцы’:

(17) «гдѣ хочеть быти похабѣ и боголишь. Но въ бголишьи своемѣ и въ граньи своемѣ. всегда» ($\sigma\alpha\lambda\omicron\varsigma\ \kappa\alpha\iota\ \xi\zeta\eta\chi\omicron\varsigma$) (194, строка 701);

‘Где же быть дураку и безумцу, как не в безумствах и не в дурачествах своих?’;

(18) [рассказывая видение о рае:] «видиши ли. како єсмѣ по правдѣ похабѣ ($\xi\zeta\eta\chi\omicron\varsigma$). добро ми са єсть створило $\bar{\omega}$ ба. да достояло ми бы славити єго и хвалити» (197, строка 771);

‘Видишь, насколько и вправду я прост, что мне даровано было богом славить и благодарить его’;

(19) [скопцу, отказываясь от его фиников:] «дара содомьскаго родомѣ похаби ($\sigma\alpha\lambda\omicron\iota$) ясти не оумѣють» (233, строка 1516);

‘уроды содомского дара есть не умеют’.

Е. Иисус – Андрею.

Иисус (именуемый в житии «муж блистающий») называет Андрея похабѣ мене деля словами из Первого послания апостола Павла к Коринфянам (см. ниже) или просто похабѣ. Тон нижеследующих контекстов – сугубо положительный, так что значение слова похабѣ ($\sigma\alpha\lambda\omicron\varsigma$) не может здесь предполагать ни иронических, ни уничижительных обертонов. Более того, именно в устах Иисуса слово похабѣ является обозначением христианского (аскетического) подвига Андрея и тем самым предельно близко к тому, чтобы стать термином:

(20) [напутствие на подвиг, которое Андрей в видении получает от Иисуса] теци оуже добрыи подвигѣ. нагѣ буди похабѣ мене деля ($\sigma\alpha\lambda\omicron\varsigma\ \delta\iota\ \acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}$) (166, строка 125);

‘Пускайся же на добрый свой подвиг, будь наг и безумец меня ради’²⁵;

делал вид, что слышит $\sigma\alpha\lambda\acute{\iota}\omicron\nu$ – шитое золотом пурпурное одеяние, которое высшие чины надевали по особым случаям (Rydén, I, 309).

²⁴ Андрей разглядывал бронзовый рельеф на сюжет гигантомахии на дверях Сената и фигуры гигантов с ногами в виде змеев. Отвечая на насмешки, он, согласно комментарию Ридена, уподобляет грешников гигантам, напрасно сражающимся с Богом (Rydén I, 325-326).

²⁵ В славянском переводе фраза свёрнута по сравнению с греческой: $\tau\rho\acute{\epsilon}\chi\epsilon\ \omicron\bar{\omega}\nu\ \tau\omicron\nu\ \kappa\alpha\lambda\omicron\nu\ \acute{\alpha}\gamma\omega\nu\alpha\ \gamma\upsilon\mu\nu\omicron\varsigma\ \gamma\acute{\iota}\nu\omicron\upsilon\ \sigma\alpha\lambda\omicron\varsigma\ \delta\iota\ \acute{\epsilon}\mu\acute{\epsilon}$ (Rydén II, 16); ср. англ.: Run the good race naked. Become a fool for my sake (Rydén II, 17).

(21) да са прѣтворить нынѣ вмѣсто яко бѣшенъ есть. неистовъ са дѣють рекшаго дѣла к нему. «буди похабъ мене дѣла» (σαλός δι' ἐμέ)(166, строка 137; ср. 169, строка 188);

‘...Чтобы превратиться в подобие бесноватого, изобразить из себя неистового ради того, кто сказал ему: «Будь безумец меня ради»’.

В обоих контекстах заключена аллюзия к 1 Кор. 4:10 – прототипическому тексту юродства, к которому восходит формула *юродивый Христа ради* (ἡμεῖς μωροὶ διὰ Χριστόν; в современном церковнославянском тексте Послания *мы буй Христа ради*; в Синодальном русском переводе *мы безумны Христа ради*) и, как отмечено Риденем (Rydén 1995, II, 306), к 1 Кор. 3:18 (μωρός γενέσθω; соответственно, рус. *тот будь безумным*, цсл. *буй да бывает*).

(22) [«муж блистающий» в видении рая Андрею:] «не боиса. похабе (σαλὲ). попраль бо еси врагы своа и паки я попреши» (212, строка 1071);

‘Не страшись, простец, ты победил врагов своих и ещё их победишь’;

(23) [он же, объясняя Андрею причину, по которой тот удостоился видения рая:] многы дѣла нищеты и смирения. И якоже нагъ и оунъ похабъ (σαλός). тако безаяпа в позорищи миродержавца вшедъ. с тѣмъ самѣмъ бравса. прѣвратилъ его еси с высока долу въ срамъ (212, строка 1079)²⁶;

‘По великой твоей нищете и смирению и потому, что ты – нагой, юный, несмысленный – вышел на ристалище правителя мира, вступил в бой с самим [дьяволом – М. Б.] и низверг его’.

Итак, в ЖАЮ слово *похабъ* (в качестве эквивалента греч. σαλός или ἔζηχος), как правило, выступает в общеязыковом значении ‘безумец’. В «чистом» виде, вне связи с главным героем-юродивым, оно представлено в контексте (1). Во всех остальных контекстах, в зависимости от коммуникативной ситуации и эмоциональной окраски речи, *похабъ* в этом основном значении может приобретать экспрессивные коннотации (в переводе на русский я постаралась передать это, варьируя эквиваленты – нейтральные *безумец, сумасшедший, глупец, простец*,

²⁶ Речь во всех этих контекстах идёт об агоне, единоборстве атлетов на стадионе: в первом контексте – скорее о бегуне (τρέχε ... τὸν καλὸν ἀγῶνα), в последнем – о борце (αὐτὸν ἐκείνον μονομαχήσας). Метафора агона – общее место житийной литературы с самых ранних сообщений о мучениках и подвижниках христианства (Rydén 1995, II, 305, примеч. 5; Christians 2009: 156-158). Как показал Алоис Кох (Koch 2005, Koch 2008), источником этой метафоры уже у Павла (1Кор. 9: 24-27), как затем у Тертуллиана и Иоанна Златоуста, был жанр современной им философской диатрибы, получивший развитие также в позднеиудейских житиях мучеников, у киников и у стоиков. Наряду с идеей бесстрастия (ἀπάθεια) и самодостаточности мудреца, важнейшим этическим понятием этого жанра было воздержание (ἐγκράτεια). Образ атлета связывался со строгой дисциплиной тела, реальные различия практик между разными группами атлетов (борцов искусственно откармливали, бегунов, напротив, держали в чёрном теле) при этом нивелировались, и для апостола Павла, по мнению А. Коха, атлет есть воплощение полного воздержания (1Кор. 9:25: *всяк же подвизаяся, от всех воздержится*). В рамках этой метафоры *похабъ Христа ради* – упражняющийся в лишениях аскет (об ἄσκησις ‘упражнение’ и ἀσκέω ‘упражняться’ о тренировке атлетов, в метафорическом смысле – о мучениках см. Bauer 1937, 193-194).

дурачок, несмысленный и негативно маркированные *дурак, идиот, псих ненормальный*). Среди выражений со словом *похабъ* в ЖАЮ выделяются *похабъ / -омъ творитися* ‘делать вид, что безумен’ и *похабъ мене* (т.е. Христа) *ради* ‘безумец Христа ради, юродивый’. Второе из них, будучи цитатой, в истории «юродской» терминологии подверглось ревизии вслед за актуальным для той или иной эпохи текстом Посланий апостола Павла, а вот первое, *похабъ ся творити*, со временем, как увидим, превратилось в формулу юродского поведения.

2.3. Житие Михаила Клопского

В «юродской» традиции не так много текстов, в которых используется слово *похабъ*. В общеязыковом значении ‘безумец’ оно встречается в житии Михаила Клопского, однако отнесено не к главному герою юродивому, а к попу Никифору, который украл панагию, и блаженный Михаил предсказывает вору, что тот потеряет рассудок. В первоначальной (наименее книжной и наиболее окрашенной севернорусскими регионализмами) редакции жития Михаила Клопского (вариант Б) по списку житийного сборника XVI века текст выглядит следующим образом:

И он молвит, Михайло, Микифору попу: «Будеши *похаб!*» И с тех мест у попа ни ума, ни памети (Дмитриев 1958, 104);

‘И говорит он, Михайло, Микифору попу: «Быть тебе без ума!» И с той минуты отшибло у попа и ум, и память’.

Текст ранней редакции дошёл до нас в сборнике житий местночтимых (ростовских) святых РНБ, Погод. 640, а вторая и третья (Тучковская) редакции вошли в состав общерусского свода Великие минеи чети (Дмитриев 1958, 9). Неудивительно поэтому, что при переработке первоначальной редакции интересующий нас пассаж претерпел эволюцию в направлении ослабления регионального колорита. Во второй редакции жития появляются характерные пояснения – диалектизм *с тех мест* в необычном, темпоральном, значении снабжается синонимом *часа того*, а *похаб* уточняется как *урод всем людем* ‘для всех людей (ты будешь) дурак’:

И тако блаженный рек Никифору попу: «Отселе будеши *похаб и урод* всем людем!» Часа того, с тех мест *ни ума, ни памети, и весь смысл* отняся (Дмитриев 1958, 129).

Наконец, в так называемой Тучковской редакции языковая коррекция сопровождается смещением смыслового акцента и демонизацией безумия как наказания за святотатство – поп превращается в бесноватого, а слово *похаб* вовсе исчезает:

Святыи же рече ему, яко: «*Бесноватися* *имаши*, понеже на святая дръзнул еси». И от того часа *възбесне* поп (Дмитриев 1958, 151).

2.4. Житие Прокопия Устюжского

Севернорусского происхождения и другой юродивый, в житии которого мы сталкиваемся с «похабной» терминологией – Прокопий Устюжский. В житии Прокопия слово *похабство* связано с топом «юродской» агиографии «днём ведёт себя как безумный, а ночь проводит в молитве»:

В ноци ни мала покоя себе приимаше, но по граду и по всем Божиим церквам хождаше и моляшеся господеву со многими слезами. Заутра же паки во весь день ... исхождаше на улицы градныя и в *похабстве пребывая* (Памятники древней письменности. Вып. СШ. СПб., 1903. С. 16-19; цит. по: Лихачев, Панченко, Поньрко 1984, 81)²⁷.

В Великом Устюге Прокопий стал родоначальником целой череды последователей. Неслучайно в севернорусские регионы, в частности, в этот город ведут следы фамилии *Похабов*. Эта редкая, но и поныне живая фамилия известна с начала XVI века. Кроме подъячего Федора Похабова, ведшего писцовую книгу Ярославского уезда в 1513 г., известны служилые люди Иван и Яков Похабовы (возможно, родственники), игравшие заметную роль в истории военной экспансии Московского государства в Сибири (электронные ресурсы: www.pribaikal.ru; http://irkipedia.ru/content/pohabov_ivan_ivanovich). О досибирском периоде жизни Якова (Якунки) Похабова (ум. 1672/1673), основателя Иркутского острога (1661), ничего не известно. А вот енисейский казак Иван Иванович Похабов (не ранее 1610 – 1667/1668, в своем поместье на р. Кемь)²⁸, как и его брат подъячий Сибирского приказа в Москве Григорий Иванович Похабов (Тупиков 1989, 707), были сыновьями стрелецкого сотника Великого Устюга Ивана Александровича Похабова. Из этого же города приехал в Кемский острог на Енисее и племянник Ивана Похабова – Иван Семенович Похабов.

2.5. Одно из наиболее заметных клише, восходящих к житию Андрея Юродивого – выражение *творитися похабъ* ‘делать вид, что безумен; изображать, играть безумца’. Так, в описании поведения другого севернорусского (псковского) юродивого Николая Салоса (XVI в.) в Первой Псковской летописи под 1569 г. читаем:

И прииде [Иван Грозный – М. Б.] благословитися ко блаженному Николе, иже христа [так в изд.] ради *похаб ся творя* (Пск. лет. 1: 116)²⁹.

²⁷ Ср. в том же житии топос дублируется в синонимических выражениях: «В день убо яко юрод хождаше, в ноци же без сна пребываше и моляшеся непрестанно господу богу» (цит. по: Лихачев, Панченко, Поньрко 1984, 81).

²⁸ В память об Иване Похабове названа река Похабиха, впадающая в Байкал в юго-западной части озера.

²⁹ В том же рассказе о походе Ивана Грозного на Псков юродивый Николая упоминается как *саллос* (σαλλός): Но господь богъ ... вложи в сердце блаженному своему угоднику *саллосу* *Николь* ..., еже преложити сердце цареву от ярости на милость (Пск. лет. 1, 115). Понимание слова *саллос*, стоящего в препозиции к имени, как про-

О нём же в житии Никандра Крыпецкого Псковского, 1582 г. по списку XVII века:

И прииде к нему Никула блаженный псковский и ат его за руку и начат глати ему, *яко похаб са твора*, и прорече ему впред стърсти пустынный (Серебрянский 1908, 539; ср. СРЯ XI–XVII вв., 18, 45)³⁰.

В житии конца XVII в. московского юродивого Максима Нагоходца (ум. 1434) воспроизводится³¹ пассаж из жития Андрея Цареградского:

Во дни по улицам ристаше, *похаб ся творяше*, в ноци же без сна пребывая, господу богу молящися (РГБ, Румянцевское собрание, № 364, л. 327об.; цит. по: Лихачев, Панченко, Поньрко 1984, 82).

Ср. в ЖАЮ в версии краткого Пролога:

И нача ристати по улицамъ, *похабъ ся творяше*, а ноць беспрестани молитву творяще. Пролог XV в. (СРЯ XI–XVII вв., 18, 45).

Ср. в старшем переводе ЖАЮ:

ристати же Ѡтолѣ нача и играти по оулицамъ. по образу дрѣвле бывшо. *похабу* смеона. оного дивнаго (Молдован 2000: 177, строка 354, ср. выше в 2.2).

2.6. Житие Василия Нагого

Особую роль в нашем сюжете играет житие московского юродивого Василия Нагого (Московского, Блаженного), канонизированного в 1588 году. Для истории слова *похаб* чрезвычайно показательны обе версии его жития – и риторически украшенная пространная, и неукрашенная краткая³².

В пространном житии, представляющем собою, по сути, центон (Кузнецов 1910, 227, подробный анализ источников см. там же: 177–239), слово *похаб* появляется только однажды, зато в очень характерном контексте. Клише *похаб творитися* автор жития (самый ранний список 1600 г. в «Годуновской» четвѣй минее под 2 августа) употребляет в исходном значении ‘поступать как безумец’, что подтверждается аллюзией к 1 Кор. 3: 18–19, но помещает это клише в контекст описания именно бесстыдства Христа ради:

звица (и, соответственно, написание его с заглавной буквы, как в издании) неоправданно.

³⁰ В СРЯ XI–XVII вв. (18: 45) для обоих контекстов ошибочно принято значение ‘юродивый’.

³¹ По словам А. М. Панченко, автор этого краткого жития «оперировал одними штампами» (Лихачев, Панченко, Поньрко 1984: 81).

³² Краткую версию иногда называют «народной» или «фольклорной», издатель текста И. Кузнецов видел в ней «яркий образчик народных сказаний, легенд о блаженном» (Кузнецов 1910, 28); подробный разбор её содержания с точки зрения признаков юродства см. в Иванов 2005, 295–299.

В народе живый, страстен и недуга, душу свободну имѣя. Но яко аггль пребывая. еже бѣяше яко бесплотенъ. Несрамляся чловѣчьскаго срама. Многаци оубо чревоу его свое потребование. И пред народом прохощь твори. Оувѣрити мысля, яко оума внѣшнева отстоупивъ. *похабся* (sic!) *творя*. Зане буе божие премудрѣ чловѣкъ есть (Кузнецов 1910, 45).

‘Живя среди людей, имел душу, свободную от страстей и недуга. Жил как ангел и был как бесплотный. Не стыдился человеческого срама и не раз по требованию чрева справлял нужду при всѣм народе. Желая уверить, что от внешнего ума отказался, поступал как безумец. Ибо бог и в безумстве мудрее человек³³’.

Весь этот пассаж, за исключением отсылки к Посланию апостола Павла – цитата из жития Симеона Эмесского, приведу его в русском переводе С.А. Иванова:

Будучи весь словно бестелесен, он ни в чём не видел безобразия (...) – ни в людском, ни в природном. И часто, когда его кишечник требовал отправления обычных нужд, он тотчас, на этом же месте, при всѣм народе садился прямо среди площади, никого не стесняясь; этим он хотел внушить всем, что действует, лишившись природного разума (τὼν κατὰ φύσιν φροεῶν ἐξέστηώς) (Иванов 2005, 114)³⁴.

На фоне жития-источника хорошо видно, что *похаб ся творя* в житии Василия добавлено не столько для пояснения и без того ясной характеристики *яко оума внѣшнева отстоупивъ*, сколько в качестве дополнительной отсылки к определённой традиции, прежде всего к житию Андрея Цареградского. В самом деле, в генеалогии святости Василия, включающей в себя юродивых и пустынников, агиограф следом за Симеоном называет Андрея Цареградского и в этом же ряду – Максима (Нагоходца) и Прокопия Устюжского, то есть как раз тех блаженных, в житиях которых мы отметили клише *похаб ся творити* (см. выше):

радуися оуподобивыися премудре василие всѣми нравы и обычаемъ, симеону оуродивому христа ради. и андрѣю цареградскому и великому отцу макарию. и анофрѣю и павлу фивѣискому. и евдокиму праведному. и максиму чудному. и прокопию великому (Кузнецов 1910, 58).

Знаковый характер термина *похаб* в этом житии тем более явствен, что единственное его употребление в специфически «похабном» контексте появляется на фоне десятков употреблений других терминов юродства, которыми автор постоянно пользуется как нейтральными – *блаженный, преблаженный, богоблаженный, блаженный Христов, бла-*

³³ Ср. 1 Кор. 3: 18-19: Аще кто мнится мудр быти в вас в вѣсе сем, буй да бывает, яко да премудр будет. Премудрость бо мира сего буйство у Бога есть. Этот пассаж эксплицитно цитируется в житии чуть раньше приводимого фрагмента (Кузнецов 1910, 42-43).

³⁴ Ср. в переводе С.В. Поляковой: «Был же он как бы бестелесен и ничто не считал непристойным, будь то поступки людские или естественные потребности. Ибо не раз, когда желудок его требовал обычного удовлетворения, он при всѣм народе без стыда присаживался тут же на площади, чтобы всех заставить поверить, будто делает это по безумию своему» (Полякова 1994, 70).

женный чудотворец, блаженный юрод, благоурод, богомудрый юрод и др. Насколько я вижу, житие Василия – это самый ранний текст, в котором *похабъ* очевидно ассоциируется с непристойностью.

Ни в кратком проложном житии Василия, ни в службах блаженному термин *похабъ* не фигурирует, и лишь в так называемом житии «в кратце», созданном на рубеже XVII–XVIII вв. (Панченко 1988, 250) и известном в одном-единственном списке XVIII века, это слово дважды появляется вновь, в сопровождении производных *похабство* и *похабный*. Вот первый из этих контекстов:

Изра себѣ житие буйственное и от человекѣ оуничиженное, яко же Андрей цареградский и прокопий оустюжский и исидоръ ростовский и инии мнози ихъ же житию ревнуя *сотворися похабъ христа ради* нача оу иных калачи опровергати и инде же квасы от сосудовъ выливати и ина многа таковая нелѣпая и *похабная* творити, за что бысть биемъ и хаемъ оплеваемъ (Кузнецов 1910, 80).

‘Он выбрал себе полную унижений жизнь городского дурачка, как и Андрей Цареградский и Прокопий Устюжский и Исидор Ростовский и иные многие. Подражая их образу жизни, он сделался безумцем Христа ради: тут калачи утащит, там квас из кувшинов по-выливает – и ещё много такого нелепого и скверного / дерзкого стал творить, и за это бывал бит и обруган и оплёван’.

Отмечу, что генеалогия святости «блаженного» в кратком житии по сравнению с пространной иная, тут она включает в себя исключительно юродивых и ведётся от Андрея Цареградского – термин *похабъ* напрямую связывает нового московского чудотворца с прототипом русской традиции.

А вот второй контекст: некий дьякон просил у Василия «научить его благоюродному житию», и тот в конце концов согласился –

... и повелѣ ему за собою послѣдовати и послушание во всем имѣти. И яже святой василий что повелѣваше оному дьякону юродственное сотворити и нѣкая *похабная не малая сотворяя* покаяряся василия блаженнаго повелѣнию своего учителя, чего ради за оное дѣемое *похабство* якоже сотвори оу извощиков оси едина ко друзѣй сосвяза и оная многая многа биения и раны и поносы претерпѣ (Кузнецов 1910, 86);

‘...и велел ему за собою пойти и во всём слушаться. И всё то юродственное, что святой Василий повелевал тому дьякону сотворить, и ещё немало срамного/дерзкого творя, подчиняясь повелениям своего учителя – связывал у возчиков оси вместе и многое другое – за всё это множество побоев и ран и поношений претерпел’.

Знакомое нам клише *похабъ ся творити* в первой цитате претерпевает определённый смысловой сдвиг: вместо старого имперфектива *творитися* ‘делать вид, что; поступать как’ здесь находим *сотворитися* в значении ‘стать, сделаться’. В сочетании с модифицированным таким образом глаголом *похабъ* по-прежнему может значить ‘безумец’ (‘стал безумцем Христа ради’), однако контекстуально слово это теперь недвусмысленно связывается с дебошем: *сотворитися похабъ* значит в кратком житии Василия *начать похабная творити*, где *похабная* (В. мн. от *похабный*) – ‘безумства’, но, как явствует из контекста, совершенно определённого – дерзкого и непристойного – свойства. Таким

образом, в контексте поведения юродивого значения цсл. *похабный* ‘присущий безумцу, безумный’ и рус. *похабный* ‘непристойный, сквернословный’ теперь не только пересекаются, но совпадают. *Похабная* и *похабство* становятся синонимами понятию *юродственное*. Именно в кратком житии Василия Нагого прилагательное *похабный* впервые – на фоне основного для этого текста термина *блаженный* – используется как синоним слова *юродивый*: *похабный и юродивый Василий* (Кузнецов 1910, 87).

3. Некоторые итоги

3.1. Расширение семантики цсл. *похабъ*

Итак, к рубежу XVII–XVIII вв., когда было создано краткое житие Василия Нагого, произошло как бы взаимное наложение двух словообразовательных и смысловых рядов: с одной стороны, цсл. *похабъ* – *похабный* – *похабство* и, с другой стороны, рус. *похабный* – *похабник* – *похабство* и др. В первоначальном значении ‘безумец’ слово *похабъ* перестало употребляться, а в переносном значении ‘притворный безумец, юродивый’ стало ассоциироваться с бесстыдством и срамословием, возможно, воспринималось как книжный вариант слова *похабник* (ср. *похабный юродивый* о Василии)³⁵. Этот процесс модификации значения связан с определённой традицией «юродивых» житий, восходящей к ЖАЮ (в первую очередь к его проложной версии, в которой дольше задержалась терминология старшего перевода с греческого). Очаг этой традиции находился в северо-западной Руси, в новгородско-псковских центрах книжности, так что первоначально *похабъ*, возможно, был книжным регионализмом, для которого в северо-западных диалектах существовал благоприятный фон в виде группы слов вокруг *похабить* и *похабный*. Ряд этих слов с семантикой непристойности и сквернословия получил в русском языке общее распространение, что не могло не окрашивать восприятие цсл. *похабъ*. Кроме того, в самой терминологии юродства были слова, способные порождать аналогичные ассоциации – имею в виду синонимичное обозначение юродивого *буй* и глагол *ругаться чему* (в отношении юродивого обычно в сочетании *ругаться миру*)³⁶. Определённую роль играли, очевидно, и «соблазнительные» черты поведения юродивых. Всё это способствовало, как представляется, семантической контаминации цсл. *похабъ* (и его производных) с рус. *похабный* (и его производными). А так как церковнославянский – живой язык, эволюционирующий в рифму с русским, читателю церковнославянских текстов

³⁵ Типологически сходный семантический переход ‘безумие, сумасшествие’ > ‘сексуальное возбуждение’ переживало словацкое *pochabý*, ср. фразеологизм *blava šedivá, srdce pochabé* ‘седина в бороду – бес в ребро’ (БСРС, III: 225).

³⁶ Могли, вероятно, вступать в ассоциативную связь также рус. диал. *похабить* ‘баловать (ребёнка)’ и *баловать* ‘шаловать, вести себя непристойно’, однако прямых свидетельств у нас нет.

о юродивых необходимо отдавать себе отчёт в том, что слово *похабъ* меняло объём своего значения и что в разных текстах его нужно по-разному понимать и переводить на современный русский язык. Если в ЖАЮ, как и в «Истории Иудейской войны», *похабъ* ещё свободное обозначение безумца, то в кратком житии Василия Блаженного это уже название определённой «похабной» модели поведения юродивого.

3.2. Маргинализация термина *похабъ*

Одновременно с процессом изменения (расширения) значения происходило вытеснение слова *похабъ* на периферию терминологии юродства. Почему это происходило? Прежде всего, думается, потому, что по сравнению с некоторыми другими, в конце концов победившими терминами юродства у этого слова были худшие шансы. Победителями вышли термины *юродивый* (с вариантами *уродивый*, *уродъ*, *юрод* в церковнославянском) и *блаженный*. Собственно техническим термином юродства – и в церковнославянском, и в русском – стало слово *юродивый*. Оно имеет надрегиональный характер, первенствует с большим отрывом в житиях и службах безумцам Христа ради, доминирует в канонизационной практике и в терминологии месяцесловов и календарей. На этом фоне редкое, лексически связанное (обычно в сочетании *похабъ творитися*) слово *похабъ* проигрывало, но в церковнославянском сохраняло роль синонима к термину *юродивый*, развив, как было показано, специфическую семантику (в)неконвенционального поведения.

В современный русский язык слово *похабъ* не вошло, и толковые словари честно отражают эту ситуацию. Некоторые изменения наметились, правда, с выходом в свет в 2005 году книги С.А. Иванова «Блаженные похабы: Культурная история юродства», в которой термину *похабъ* отведена титульная роль: из языка источников автор принимает это слово в свой метаязык, часто использует его и строит на нём название своей работы. Единичные отголоски этого опыта можно увидеть в материалах Национального корпуса русского языка. Кто знает, быть может, книга С.А. Иванова будет способствовать реанимации слова *похабъ*, и что не смогли словари, сумеет яркое научное исследование.

Литература

- (БАС¹). *Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт.* 1960. Т. 10. Москва, Ленинград.
- (БАС²). *Большой академический словарь русского языка.* 2011. Т. 19. Москва, Санкт-Петербург.
- (БЕР). *Български етимологичен речник.* 1996. Т. V. София.
- Биржакова, Е.Э. 2010. *Русская лексикография XVIII века.* Санкт-Петербург.
- (Брестский мир) 1992. *Крушение мировой революции. Брестский мир.* Москва.

- (БСРС). *Большой словацко-русский словарь*. 1986. Т. III. Братислава.
- (БТС). *Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С.А. Кузнецова. 2003. Санкт-Петербург.
- (Верш.). *Вершининский словарь*. 2001. Т. 5. Томск.
- Геров, Н. *Речник на българския език*. [1901]. Фототипно издание. 1977. Ч. 4. София.
- (Даль²). Даль, В. 1978–1980. *Словарь живого великорусского языка*. Воспроизведение 2-го изд. Санкт-Петербург 1880–1882. Т. I–IV. Москва.
- Дмитриев, Л.А. 1958. *Повести о жизни Михаила Клопского*. Подготовка текстов и статья Л.А. Дмитриева. Москва, Ленинград.
- (ДНД-2). Зализняк, А.А. 2004. *Древненовгородский диалект*. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003. Москва.
- Евгеньева, А.П. 1971. *Словарь синонимов русского языка в 2-х тт.* 1971. Т. 2. Ленинград.
- Живнов, В.М. 1994. *Святость: Краткий словарь агиографических терминов*. Москва.
- Зализняк, А.А. 1998. Из наблюдений над разговорником Фенне. In: *Polytrop. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова*. Ред. Т.Н. Николаева. Москва, 235–275.
- Иванов, С.А. 2005. *Блаженные похабы: Культурная история юродства*. Москва.
- Ковалевский, И. 1902. *Юродство о Христе и Христа ради юродивые восточной и русской церкви. Исторический очерк и жития сих подвижников благочестия*. Москва.
- Крылов, Г.А. 2005. *Этимологический словарь русского языка*. Санкт-Петербург.
- Кузнецов, И.И., прот. 1910. *Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради Московские чудотворцы. (Историко-агиографическое исследование)*. Москва. (Записки Московского Археологического института. VIII.)
- Лавров, А.С. 2000. *Колдовство и религия в России. 1700–1740 гг.* Москва.
- Ленин, В.И. *Полное собрание сочинений*. Изд. пятое. 1974. Т. 35. Москва.
- Лихачев, Д.С., А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. 1984. *Смех в Древней Руси*. Ленинград.
- (ЛТ). Polikarpov, F. 1988. *Leksikon trejazyčnyj. Dictionarium trilingue. Moskva 1704. Nachdruck und Einleitung von H. Keipert. München. (Specimina philologiae slavicae. 79.)*
- (МАС). *Словарь русского языка в 4-х т.* Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотипное. 1999. Т. 3. Москва.
- Молдован, А.М. 2000. *Житие Андрея Юродивого в славянской письменности*. Москва.
- 2001. «Библейская похабность» у Пушкина. In: Ressel, G. (Hrsg.). *A.S. Puškin und die kulturelle Identität Rußlands. (Heidelberger Publikationen zur Slavistik. A. Linguistische Reihe. 13.)*
- Нерлер, П. 2010. *Слово и «дело» Осипа Манделъштама: Книга доносов, допросов и обвинительных заключений*. Москва.
- (НОС). *Новгородский областной словарь*. 1994. Вып. 8. Новгород.
- (Ожегов/Шведова). 1992. Ожегов, С.И., Н.Ю. Шведова. *Толковый словарь русского языка*. Москва.
- (Опыт). 1852. *Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук*. Санкт-Петербург.
- Панченко, А.М. 1988. Житие Василия Блаженного. – *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Ч. 1. Ленинград, 250–251.
- 2014. Термин *вздвиг* в славянской письменности. – *Зборник на трудови од Меѓународниот научен собир «Кирилметодиевската традиција и македонско-руските духовни и културни врски (организиран по повод 1150 години од Моравската мисија и од словенската писменост)*. Охрид, 3–4 октомври 2013. Скопје, 163–171.
- и др. 2004. *«История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод*. Т. I–II. Москва.
- Полякова, С.В. 1994. *Византийские легенды*. Москва.

- (Пск. лет.). 2000. *Псковские летописи*. Москва. (Полное собрание русских летописей. V. 1.).
- Райнхарт, Й. 2009. Старобългарският превод на житието на Симеон Юродиви: текстология и лексика. *Кирило-Методиевски студии* 18, 309-322.
- Рубина, Н., А. Северский. 2003. *Русские юродивые и блаженные*. Челябинск. (САР). *Словарь Академии Российской 1789–1794*. 2003. Ч. I–VI. Москва.
- (СГРС). *Словарь говоров русского севера*. 2001. Т. I. Екатеринбург.
- Седакова, О.А. 2005. *Церковнославянско-русские паронимы. Материалы к словарю*. Москва.
- Серебрянский, Н. 1908. *Очерки по истории монастырской жизни в псковской земле с критико-библиографическим обзором литературы и источников по истории псковского монашества*. Москва.
- Словарь языка Пушкина в четырех томах*. 2-е изд, доп. 2000. Т. III. Москва.
- Срезневский, И.И. 1989. *Словарь древнерусского языка*. Репринтное издание. Т. I–III. Москва.
- (СРНГ). *Словарь русских народных говоров*. 1996. Вып. 30. Санкт-Петербург.
- (СРЯ XI–XVII вв.). *Словарь русского языка XI–XVII вв*. 1992. Вып. 18. Москва.
- (СЦРЯ). *Словарь церковнославянского и русского языков, составленный Вторым отделением Императорской академии наук*. 1847. Т. III. Санкт-Петербург.
- Троцкий, Л. 1926. Речь на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. – Троцкий, Л. 1926. *Сочинения*. Т. 17. Ч. 1. Москва–Ленинград. Интернет-ресурс: <http://www.komintern-online.com/trotl631.htm>.
- Тупиков, Н.М. 1989. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. Reprint der Originalausgabe von 1903, Petersburg. Leipzig.
- (Ушаков). 1934–1941. *Толковый словарь русского языка*. Под редакцией Д.Н. Ушакова. Авторы: В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.Н. Томашевский, Д.Н. Ушаков. Т. I–IV. Москва.
- Фасмер, М. 1986–1987. *Этимологический словарь русского языка*. Перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. Под редакцией и с предисловием Б.А. Ларина. Изд. 2-е, стереотипное. Т. I–IV. Москва.
- Христова-Шомова, И. 2012. *Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция*. Т. II. *Изследване на синаксарите (Християнските празници в славянските апостоли)*. София.
- Bauer, W. 1937. *Griechisch-Deutsches Wörterbuch zu den Schriften des Neuen Testaments und der übrigen urchristlichen Literatur*. Dritte, völlig neu bearb. Aufl. Berlin.
- Christians, D. 2009. Athleten, Ackerbauern und Hirten: Typisierung der Heiligenverehrung im Gottesdienstmenäum. In: Christians, D., D. Stern, V.S. Tomelleri. (Hrsg.). *Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina: Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag*. München, Berlin, 151-176. (Studies on Language and Culture in Central and Eastern Europe. 3.)
- Hammerich, L.L., R. Jakobson, E.v. Schooneveld, T. Stark, A. Stender-Petersen (eds.). 1961, 1970. *Tönnies Fenne's Low German Manual of spoken Russian Pskov 1607*. Vol. I. Facsimile copy prefaced by R. Jakobson and E. van Schooneveld. Copenhagen 1961; Vol. II. Transliteration and translation. L.L. Hammerich and R. Jakobson (Hrsg.). Copenhagen 1970.
- Hendriks, P. 2014. *Innovation in tradition. Tönnies Fenne's Russian-German Phrasebook (Pskov, 1607)*. Amsterdam, N.Y. (Studies in Slavic and General Linguistics. 41.)
- (HSSJ). *Historický slovník slovenského jazyka*. M. Majtán et al. (Hrsg.). 1994. D. III: O–P. Bratislava.

- Koch, A. 2005. Die antike Athletik und Agonistik im Blickpunkt der Kritik des Tertulian von Karthago (um 160 – um 225) und anderer Schriftsteller des frühen Christentums. In: Schwank, W., A. Koch (Hrsg.). *Begegnung*. Aachen, 11-32. (Schriftenreihe zur Geschichte der Beziehung zwischen Christentum und Sport. 5.)
- 2008. Paulus und die Wettkampfmetaphorik. *Trierer Theologische Zeitschrift* 1, 39-55.
- Slavoš, S. 1886. *Kytka z tatier, česko-slovenskej mládeži z různých kvietkov uvil Strýčko Slavoš. So slovníkom slovensko-českým*. Praha.
- Rydén, L. (Hrsg.) 1995. *The life of St Andrew the Fool*. Vol. I-II. Uppsala. (Acta Universitatis Upsaliensis. *Studia Byzantina Upsaliensia*. 4, 1-2.)

Berlin, Moskau
(marina.bobrik@online.de)

Марина А. Бобрик